

**Муниципальное казённое образовательное учреждение
«Любостанская средняя общеобразовательная школа»**

**Районная научно - практическая конференция «Проектная и исследовательская
деятельность при изучении русского языка и литературы»**

Проектная работа:

Тема правды жизни и собственной судьбы в творчестве

К. Д. Воробьева

Выполнила:

Кононова Ангелина Андреевна,

11 класс

Руководитель:

Карачевцева Елена Федоровна,

учитель русского языка и литературы

2017 г.

Содержание

1. Введение.....	стр. 2-3
2.Основная часть	
1. Биографический путь К. Д. Воробьева.....	стр.4
2. Творчество писателя – курянина	
2.1. Доверительность прозы Константина Воробьева.....	стр.4-5
2.2. Родной край – вдохновение для творческой работы.....	стр.5-6
2.3. Книги, вместившие судьбу.....	стр.7-12
2.4. В память о выдающемся земляке.....	стр.12-13
3. Заключение.....	стр.13-14
4. Список использованных источников и литературы.....	стр.14

5. Приложение

Введение

Богат талантами Курский край. С древнейших времён и до наших дней Курская земля - это источник вдохновения для творчества писателей, поэтов, художников, композиторов. Его прекрасную природу, богатую историю и замечательных людей воспели в своих произведениях писатели, поэты, художники и музыканты курской земли: Афанасий Фет, Николай Асеев, Евгений Носов, Константин Воробьёв, Егор Полянский, художник Александр Дейнека, композитор Георгий Свиридов и многие- многие другие.

Мне захотелось подробнее узнать о писателях нашей курской земли: кто эти люди, о чём они пишут.

Трудно переоценить роль краеведческих материалов в процессе воспитания подрастающего поколения. Знакомство с творчеством выдающихся земляков способствует формированию чувства «малой Родины», от которого произрастает все самое доброе и великое в человеке.

И в своей работе я хочу рассказать о жизни и творчестве нашего земляка, чья юность пришлась на военные годы, писателя Константина Дмитриевича Воробьева, который родился в соседнем Медвенском районе в селе Нижний Реутец.

Творчество писателя включено в школьную программу. Желание глубже познакомиться моих сверстников с талантливым мастером художественного слова обусловило **актуальность** данной работы. Исследовательская работа своевременна, потому что время показало, что произведения востребованы, именно потому, что они правдивы, потому что в них отражены общечеловеческие проблемы, волнующие людей всегда.

Гипотеза: Можно предположить, что изучение творчества писателя-земляка, прославившего свою малую родину, может качественно повысить уровень патриотизма у одноклассников, положительно повлиять на формирование толерантно настроенной личности.

Проблема: Мои ровесники знают и читают произведения классиков русской и зарубежной литературы, но крайне важно знать и читать произведения писателей – земляков: Е. И. Носова, К. Д. Воробьева и др., которые писали о Великой Отечественной войне кровавую правду, то, что сами пережили. Но не только о страданиях и муках поведали нам они. Неизмеримо выше всего были для них мужество, стойкость и достоинство Человека.

Объект исследования – жизнь и творчество Константина Дмитриевича Воробьева.

Предмет исследования – произведения данного писателя о Великой Отечественной войне.

Цель исследования: выявить истинные ценности военной прозы писателя, приводившей к новому осмыслению самой сути происходящего на фронте, в которой был показан совершенно новый, непривычный облик войны, без романтики («окопная» правда), в

которой исследование человеческой души, мужание характера ведется с бескомпромиссной правдивостью.

Задачи исследования: главной задачей я считаю познакомиться с основными произведениями автора, с его жизненной позицией, вызвать интерес к личности писателя и вовлечь одноклассников в размышление над «лейтенантской прозой». Всё это поможет расширить наши представления о войне и роли родного края в творчестве писателя - курянина.

Практическая значимость. Данный материал позволяет расширить представление о писателе К. Д. Воробьеве, его творчестве и будет использован на уроках литературы.

Методы исследования: изучение литературы, посещение музея на родине писателя - курянина, в селе Нижний Реутец Медвенского района, исследование и анализ творчества писателя.

1. Биографический путь К. Д. Воробьева

Константин Дмитриевич Воробьев родился 24 сентября 1919 года в селе Нижний Реутец Медвенского района Курской области, что недалеко (около 20 км.) от моего села Любостань. Детство его пришлось на годы, когда с ошибками, противоречиями, перегибами рождалась новая Советская власть. Мальчику из бедной крестьянской семьи нелегко было встать на ноги не только по причинам материальным, но и потому, что каждый день надо было решать, как жить, какой мерой мерить дела и поступки людей.

После окончания семилетки уехал в Москву. Работал грузчиком, автокарщиком, учился в вечерней школе. Во время службы в армии участвовал в освободительных походах в Западную Украину и Западную Белоруссию. В 1939 году в армейской газете печатает свои первые рассказы – «Черный кисель», «У колодезного журавля», в 1940 году – «Часы». Работал литсотрудником многотиражной газеты военной академии имени Фрунзе. С начала войны направляется курсантом в Кремлевское военное училище имени Верховного Совета СССР, которое оканчивает по ускоренной программе, и в звании лейтенанта участвует в боях на центральном направлении под Москвой. Был контужен, попал в плен и находился в Ржевском, Каунасском, Саласпилском, Шауляйском концлагерях. Чудом остался жив, 24 сентября 1942 года бежал из плена. Снова сражался с фашистами уже на литовской земле. Был командиром партизанской группы до самого освобождения Литвы от фашистских захватчиков.

Литва стала второй Родиной и его детей, и его книг. Первые произведения Воробьева появились в печати в 1954 году. В 1956 году в Вильнюсе вышла в свет книга рассказов «Подснежник», двумя годами позднее – «Седой тополь». В это же время в архиве одного из московских журналов лежала повесть-откровение, повесть-крик – «Это мы, Господи!..». Она увидит свет лишь в октябре 1986 года на страницах журнала «Наш современник».

2. Творчество писателя-курянина

2.1. Доверительность прозы Константина Воробьева

Несмотря на то, что Константин Дмитриевич является автором более 30 рассказов, очерков, десяти повестей, широкому читателю он известен как автор двух произведений – пронзительно правдивых повестей о войне «Крик» и «Убиты под Москвой». Произведения эти, безусловно, очень многое значат в художественном наследии Константина Воробьева (да и во всей советской прозе о Великой Отечественной войне), но несправедливо забывать и другие его вещи, в которых исследование человеческой души, мужание характера ведется с не меньшей зоркостью и бескомпромиссной правдивостью.

В критике неоднократно отмечалось, что проза Воробьева во многом автобиографична. Назывались и особенности автобиографической прозы: сосредоточенность на одном центральном характере, к которому, как верно подметил И. Дедков, писатель был всегда очень пристрастен, не давал ему «полную свободу», ибо «слишком полно жил» в этом своем «сквозном» герое, будь он мальчишка-сирота Алеша Ястребов («Сказание о моем ровеснике»), или Алешин «двойник» Санька («Тетка Егориха»), или другой Алеша Ястребов – молодой лейтенант из повести «Убиты под Москвой», или умудренный жизненным опытом писатель Константин Останков («Почем в Ракитном радости» и архитектор Родион Сыромуков «...И всему роду твоему»).

Мне бы хотелось выделить еще и такую отличительную примету «автобиографической» прозы Константина Воробьева, как ее открытую доверительность к читателю. То есть автор и мысли не допускает быть непонятым, поэтому без объяснительно-исповедальных предисловий рассказывает о каждом жизненном эпизоде как о неповторимо-сокровенном, незаменимом отрезке судьбы, рассказывает сдержанно, целомудренно-строго, но с такой полнотой, когда отпадают невольные предположения о недосказанности, непроясненности.

Такая доверительность присуща уже самому раннему произведению писателя – повести «Одним дыханием» (1948), в главном герое которой – Андрее Выходове – тоже проглядывают черты «сквозного», автобиографического героя. Повесть эта написана в пору литературного ученичества, рукой, еще не совсем уверенной, схематизм ее очевиден, но и в ней есть то доверительное приглашение читателя к собеседованию, которое исключает дидактику, морализаторство, столь характерные как раз для произведений – ровесников воробьевской повести.

Верно было замечено, что автобиографический герой Константина Воробьева не только обостренно чувствует беду и горе других, но и воспринимает эти напасти как свои собственные; вероятно, в этом и скрыто обаяние его доверительности, особенности лирического начала.

2.2. Родной край – вдохновение для творческой работы.

Есть у Константина Воробьева небольшой рассказ «Первое письмо» о трогательной дружбе взрослого и ребенка. Рассказ – из числа «рядовых», но там есть весьма примечательные слова в финале. Получив от своего маленького друга письмецо, лирический герой-рассказчик говорит: «Я долго и трудно искал редкие слова, чтобы достойно ответить Трофимычу на его первое в жизни письмо».

Каждое произведение Воробьева – это всегда отыскивание тех редких и единственных слов, которые воспринимаются и как достойный ответ писателя читателям, и как память о тех, кому посвящены произведения, – о людях, прошедших через труднейшие жизненные испытания, но сумевших сберечь душевную зоркость, совесть, добросердечие, нравственную чистоту. У этих слов есть и свой четкий определенный исток: страна детства, родная курская земля, где это детство прошло. Недаром коренной курянин Евгений Носов утверждает, что у Воробьева «не только пропрядывают отдельные слова нашего южного говора, но и сама образная система, сопутствующая действию полифония звуков, запахов, пейзажные фоны и фенологические приметы во многих его вещах тоже наши, лесостепные, южнорусские». Это присуще художникам орловско-курско-воронежского региона от И. Тургенева, Н. Лескова до М. Пришвина, А. Платонова, до самого Е. Носова.

Пейзажные зарисовки с южно-степными приметами встречаются у Воробьева, пожалуй, во всех произведениях, не говоря уже о тех, события в которых непосредственно происходят на курской земле («Сказание о моем ровеснике», «Почем в Ракитном радости», «Тетка Егориха»), и они имеют тому оправдание. Сам писатель определял это чуть иронически: желанием думать «красиво и картинно», что «всегда вычеркивалось редактором из моих ранних рассказов», замечал он. Но желание так думать, надо полагать, явилось следствием неизбежности детского поэтического видения – вот откуда и «церковное сияние» сторожевой вышки, и «лампадно-рубиновый свет» поплавок, и потемки, «пахнувшие яблоками и укропом».

У Константина Воробьева было очень нелегкое, но, можно сказать, повышенно зрячее детство. Рожденный в вихревую пору гражданской войны, он рано осиротел, поэтому столь же рано научился ценить человеческую теплоту и ласку. В годы отрочества стал свидетелем грандиозной перестройки деревни. Все это навсегда закрепилось в памяти и развилось впоследствии в разветвленный, внешне дробный, но внутренне цельный этап судьбы поколения, на долю которого выпали труднейшие испытания в годы Великой Отечественной войны и, значит, особое восприятие радости жизни, о чем хорошо сказал Юрий Бондарев: «Наша память – это душевный и жизненный опыт, оплаченный дорогой ценой. Вот почему, когда по случайным ассоциациям – то ли скрежет трамвая на поворотах, напоминающий свист тяжелого снаряда, то ли похожая на пульсирующий огонь пулемета вспышка автогена в каркасе

строящегося дома – память возвращает нас к дням войны, мы начинаем больше ценить тишину, спокойный блеск солнца, прозрачность воздуха».

2.3. Книги, вместившие судьбу

О чем бы ни писал Воробьев – о войне ли, о фашистских концентрационных лагерях, о нелегких тридцатых годах, о днях сегодняшних, какие бы тайники души человеческой ни исследовал, он не слукавит, не уйдет в сторону. Он говорит с читателем, как бы глядя прямо ему в глаза. Как художник – реалист он исповедует одну религию – правду. А правда часто трагична.

Это не значит, что все у Константина Воробьева – как в свое время утверждали критики – «темно», «беспросветно», «сгущено», «дегероично». Книги Воробьева – книги жизнеутверждающие. В них много света, много красок, много героики (да, да, героики – и не лубочной, лакированной, а истинной!), они полны «своеобразного, тонкого – по словам Евгения Носова, - эстетического аромата»

Но Константин Дмитриевич не мог не писать о том, что знал, что пережил, что непрестанно на протяжении многих лет волновало и тревожило его память: о погибших под Москвой мальчиках-курсантах, которым «уже никогда не придется носить ни кубарей в петлицах, ни орденов на груди», о первом бое, оставшемся в памяти как нечто «небывало страшное и таинственное, непосильное разуму человека», и о первом убитом в рукопашной схватке немце; и о жутких «крючниках» в саласпилсской «Долине смерти», и о стойкости и человеческом достоинстве, сохраненных в нечеловеческих условиях концлагерей... Не мог он не писать о тяжелых и голодных тридцатых годах, о своих товарищах, как самое ценное носящих в своей душе память о войне и по ней сверяющих свои собственные поступки, и поступки окружающих их людей, о человеческой доброте и теплоте...

Он не мог не писать, потому, что за всем этим стояло то, без чего не бывает большого художника, - правда жизни и собственная судьба, собственная нелегкая биография ...

...Нам свои боевые

Не носить ордена,

Вам все это, живые...

(А.Твардовский)

Эти строки Александра Трифоновича Твардовского, вынесенные в эпиграф, Константин Воробьев предпослал одному из лучших своих произведений – повести «Убиты под Москвой», воскрешающей события начального, самого тяжелого и трагического периода Великой Отечественной войны. Строки эти с полным основанием могли быть поставлены эпиграфом

вообще ко всему творческому наследию ушедшего из жизни в расцвете сил писателя. И не только потому, что тема войны так или иначе отражена во многих его произведениях, буквально пронизывает творчество прозаика. Важнее другое. Пафос стихотворения Твардовского, весь его трагический накал, вся открыто выплеснувшаяся человеческая скорбь и боль глубоко родственны самой сути трагического таланта Константина Воробьева. Таланта жестокого, бескомпромиссного и очень честного.

Произведения Константина Воробьева, непосредственно рассказывающие о войне (в первую очередь, повести «Крик» и «Убиты под Москвой»), стали едва ли не первыми из всей нашей «военной прозы», в которых память не ограничивалась только полем брани, а захватывала «территорию» предвоенных лет, тянула свою нить из самого детства, - об этом обстоятельно говорит в статье «Без праздника и хлеб горек» И. Рогощев, точно подметивший, что прошлое у героев Константина Воробьева «не вспоминается, а присутствует».

Это «присутствие» создает атмосферу полноты, неразрывности жизни, нравственного «равноправия» на различных временных отрезках. Не случайно, что герой повести «Убиты под Москвой» Алексей Ястребов, уже переживший несколько мгновений смертельной опасности, на пределе сил вступает в единоборство с вражеским танком, «снова болезненно-остро ощутив присутствие тут своего детства, забыв все слова, нажитые без деда Матвея...» - здесь сокрыта глубинная мысль о единстве прошлого с настоящим как главным определителе человеческого поведения; здесь же и обоснование «правды жестов и искренности поступков», которых всегда стремился достигнуть Константин Воробьев.

Капитан Рюмин, ведя учебную роту кремлевских курсантов на фронт, не падает на землю во время бомбежки, - это тоже жест, но это уже и поступок, ибо Рюмин «знал, кому подражают курсанты, упрямо нося фуражки чуть-чуть сдвинутыми на правый висок, и, может, поэтому самому ему нельзя было падать». Зная, что фронт, к которому он вел свою роту, далеко не идентичен тем книжным представлениям о войне, что сложились у курсантов («О том, что мы будем бить врага только на его территории, что огневой залп нашего любого соединения в несколько раз превосходит чужой, - об этом и еще о многом, многом другом, непоколебимом и неприступном, Алексей – воспитанник Красной Армии – знал с десяти лет»), Рюмин ясно сознавал, сколь велика сила поступка именно в моменты неожиданных разочарований.

Рюмин понял, что рота попала в окружение, что ее ждет неминуемый разгром, поэтому, чтобы встретить и вынести это неизбежно-страшное с мужественным достоинством, он принимает решение «зарядить» бойцов верой в собственные силы.

Можно, наверное, оспаривать стратегическую безошибочность принятого Рюминым решения (все же погибло в этой атаке одиннадцать курсантов и семнадцать было ранено), но

нравственно-психологическая отдача его несомненна: курсанты, почувствовав вкус победного боя в той успешной ночной атаке, достойно встретили потом и свой смертный час. И хотя конечный результат выхода из окружения оказался трагичным (рота была разгромлена, а сам капитан Рюмин, принимая на себя вину за гибель роты, выстрелил себе в сердце), та ночная атака сыграла свое праведное дело: она сделала почти необстрелянных курсантов настоящими солдатами, придала им убежденность, что врагов можно бить и побеждать: «Мы их, гадов, всех потом, как вчера ночью», - говорит после разгрома один из оставшихся в живых курсантов, а за ним это вскоре повторит и лейтенант Алексей Ястребов, добавляя: «Мы их... Пускай только... Они еще не так заблюют!.. У нас еще Урал и Сибирь есть, забыли, что ли?»

Для оставшегося в живых Алексея Ястребова та атака стала и первым уроком мужества, и основой того, что он обретет чуть позже, после гибели капитана Рюмина, - полного освобождения от чувства страха.

«Он почти физически ощутил, как растаяла в нем тень страха перед собственной смертью...»

Это освобождение от страха, пришедшее к Алексею как итог испытаний капитана Рюмина и «присутствия» в памяти детства, деда Матвея (то есть истоков жизни), и придает Алексею Ястребову готовность вступить в неравную схватку с немецким танком с каким-то потрясающе уверенным спокойствием.

Алексей поджигает танк, остается жив и идет к своим, туда, где «далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли огненные трассы». «Идет, возмужавшим за пять дней воином, готовым на новые схватки с врагом» - так заканчивается повесть «Убиты под Москвой» - этот достойный литературный памятник мужеству советского солдата и одновременно проклятие войне.

«Крик» - другая талантливая воробьевская повесть о войне, написанная правдивыми словами, не допускающими недоговоренности, утайки, упущения, тем более – двусмысленности. И дело тут, пожалуй, не в интонации, с какой произносятся эти слова, хотя, например, И. Золотусский придает этому большое значение, считает, что интонация прозы Воробьева «часто срывается на крик, граничит с криком», а «крик – это громкий голос, освободившийся голос. Это право в полную силу говорить все обо всем. Энергичные определения критика здесь приблизительны, и с ними трудно согласиться (крик ведь может прорываться и от бессилия, и от растерянности, и от испуга). Дело – в смысловой точности слов, в их психологической достоверности, которая выстрадана их творцом-писателем Константином Воробьевым. Выстрадана жизненным опытом и особым, только ему присущим видением и осмыслением трагически-жестокоего не только голосистого, но и беззвучного крика войны.

«Последняя моя команда совпала с разрывом небольшой мины метрах в пяти позади нас с Васюковым. Я увидел приземистый, буро-огненный кустик разрыва, заслонивший убежавшего Перемота. И тут же я увидел над собою рот Васюкова, раскрытый в беззвучном крике...» - так заканчивается описание разведки боем, в результате которой героям повести выпадут новые испытания плен...

В повести, динамизм слога которой с максимальной точностью соответствует динамизму происходящих в ней событий, много сцен, выписанных с жесткими подробностями реалий войны: герои ее, как и герои повести «Убиты под Москвой», тоже оказываются в экстремальной ситуации, в положении обреченных. Но благодаря светлому, мажорному зачину, рассказывающему о возвышенной и чистой любви Воронова и Маринки, «Крик» воспринимается несколько иначе, чем «Убиты под Москвой», хотя родственного между обеими повестями очень много, начиная от времени и места событий (1941, Подмосковье) до сходства «правды жестов» у героев: Алексей Ястребов («Убиты под Москвой») после схватки с танком «старательно очистил петлицы от налипшего песка и глины. Кубари были целы»; а младший лейтенант Воронов («Крик»), очнувшись раненым после «разведки боем», тоже ощупывает петлицы – «кубари были на месте. Оба».

В «Крике», несмотря на определенную фрагментарность повести, ее лаконизм, жизненное пространство шире, лирический зачин дал возможность писателю, заселив произведение яркими характерами мирных жителей (Маринка, ее мать, крестьянин Емельян Устиночкин), показать войну как бы в двух измерениях. И еще. В «Крике» меньше трагической напряженности, меньше реквиемных мелодий («разведка боем» обернулась все-таки еще не полным разгромом) в сравнении с повестью «Убиты под Москвой». Это как бы упреждающий крик перед трагедией, которая произойдет с ротой капитана Рюмина, перед драматическими событиями рассказов «Дорога к мужеству пролегала здесь», «Немец в валенках». Крик этот особенно пронзителен еще и потому, что в нем слышна безутешная боль за оборванную любовь, которая в мирное время всегда является предчувствием праздника, естественным украшением жизни

«Так пока» герои успели пожениться, но вот пожить им «как муж и жена», познать праздник любви не довелось – тут рядом с «Криком» следует еще назвать киноповесть «Одним дыханием», в которой любовь тоже расстреляна войной.

Да, любовь для героев Константина Воробьева – неизбывный праздник. Если не в яви настоящей, то в памяти, как у Стенюхи («Чертов палец») или у Дарьи-Синели («Синель»), десятилетия хранящих в сердцах трепетные миги девичьей влюбленности. Или в мечте, как у чуть сентиментального, душевно распахнутого таксиста Генки («Генка, брат мой...»), восторгающегося незатейливым письмом жены к любимому мужу из эпохи прошлого века...

И, возвращаясь к заявленному в начале статьи возражению критику И. Золотоусскому, утверждавшему, что в «прозе Константина Воробьева почти нет чувственной любви», да и в самой-то любви якобы «нет радости, а есть сочувствие и вина», хочу задержаться на повести «Вот пришел великан...» - повести, целиком посвященной истории большой, но в чем-то безысходно-мучительной любви. Безысходной, потому что разбилась о глухую стену обывательской нормативности, но ничуть не безрадостной.

Напротив, и Антон Кержун, и Ирена Лозинская, самозабвенно полюбившие друг друга, пожалуй, впервые и познали подлинное ощущение радости жизни – до этого судьба не очень-то баловала их, не знавших ни тепла родительской ласки, ни настоящего дружеского участия: оба – питомцы детприемников, оба, в сущности, прожили по три десятка лет, не встретив таких друзей, с кем было бы, как говорит Антон, «свободно и безопасно», поясняя эти слова еще и как «бескорыстие в отношениях».

Некоторые моралисты от критики утверждали, что «роман» Антона с Иреной – типичный вариант адюльтера, обвиняя попутно Кержуна в душевной черствости, мелочной придирчивости, самовлюбленности (назову хотя бы печальной памяти рецензию А. Киреевой «Великан» в нарядной курточке», опубликованную в «Литературном обозрении», 1973, № 1). И как будто не замечали обостренной ранимости, незащищенности как Артема, так и его любимой, не признавали их права на любовь, руководствуясь, увы, той самой обывательской добропорядочностью, против которой бунтует герой повести – молодой писатель Антон Кержун вместе с умудренным писателем Константином Воробьевым.

Константин Дмитриевич, наделенный «большим и свободным талантом», и написал такую честную и нужную книгу о трудной, но сильной любви, достойной, несмотря на горестно-драматичный финал, художнического откровения. Все, кто познал в своей жизни трепетный восторг «борьбы неравной двух сердец», навсегда останутся благодарны писателю за эту книгу...

В разговоре о творчестве Воробьева, может сложиться впечатление, что писатель брезгует, что ли, изображать отрицательные жизненные явления и типы. Это, разумеется, не так. В каждом произведении Воробьева обитают, как и в жизни, отнюдь не только положительно-прекрасные люди. Писатель создал, можно сказать, целую галерею характеров из числа самодовольных ничтожеств, мелких трусливых приспособленцев, духовных и нравственных уродов – потребителей и паразитов жизни. Это к одному из таких «ублюдков» обращается герой повести «Почем в Ракитном радости» - писатель Константин Останков: «Вставай и защищайся, гад! Бить буду!»

И все-таки Константин Воробьев отдавал предпочтительное внимание людям сильным, душевно и физически красивым, волевым, творящим добро и справедливость, готовым всегда

дать бой любому, поправшему человеческое достоинство. Надо ли доказывать, что нужда в таких гордых и мужественных героях никогда не иссякнет?!

Итогом ко всему вышесказанному, на мой взгляд, может послужить статья еще одного нашего земляка, Евгения Носова «Он любил эту землю»:

«Я давно заметил прямую, неразрывную связь между характером произведения и личностью ее творца... сквозь его (К. Д.) взволнованные страницы еще заочно угадывается человек, наделенный личной отвагой, пламенным гражданским мужеством, взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем... Константин Воробьев принадлежит к тем не частым писателям, которых потом многократно перечитывают».

2.4.В память о выдающемся земляке

При жизни талантливый литератор не был увенчан лаврами. Константина Дмитриевича никогда не баловали премиями. Но последней, присужденной ему посмертно лауреатом Нобелевской премии А.И. Солженицыным, он был бы рад, так как безмерно уважал писателя, преклонялся перед его талантом и мужеством. И есть, наверное, высшая справедливость в том, что Александр Исаевич назвал Воробьева одним "из наиболее значительных художников слова второй половины XX века".

Вот только осуществить свою мечту и переехать в Россию на постоянное жительство писателю так и не удалось. Сначала мешало то, что был в плену, потом болезнь. Но свое последнее упокоение он нашел в родной земле на Мемориале павших. Перенесение его останков на курскую землю состоялось в 1995 году.

Когда стоишь у могилы писателя, будто слышишь его слова: "Если писатель лжет перед своей совестью и не желает видеть горе и беды народа, трагедию его называет исторической неизбежностью - он ничто, какими бы наградами не ублажало его правительство. Придет время, и для всех это станет очевидным и понятным. Тогда, кроме позора, такого писателя ничего не ждет. Я не знаю, будут ли меня читать потом, но я знаю, что на мою могилу никто не плюнет".

На Родине Константина Дмитриевича в Курской области, в память о выдающемся земляке, имеются следующие объекты:

- 3 октября 2009 года в Курске, в сквере у Курской государственной филармонии, открыт памятник К. Д. Воробьеву
- Имя Константина Воробьева носит средняя школа № 35 города Курска
- Имя Константина Воробьева носит библиотека, расположенная по адресу ул. 50 лет Октября, 15 «а»
- В честь писателя названа одна из улиц Северо-Западного микрорайона города Курска
- На его родине, в селе Нижний Реутец, в родительском доме, открыт музей писателя

3.Заключение.

Жизнь и смерть. Родина и чужбина. Свобода и рабство. Гуманизм и жестокость. Порядочность и подлость. В произведениях Константина Дмитриевича эти полюса находятся в непримиримом противоборстве. В постоянном столкновении друг с другом. И из этого жесточайшего столкновения высекается искра неугасимой веры писателя в Человека, не потерявшего себя ни в трагических обстоятельствах войны, ни в сложных житейских перипетиях мирной жизни, глубоко убежденного в том,

Что недаром боролись

Мы за Родину – мать...

И как бы ни старалась смерть, уверен писатель, она не способна убить вечно обновляющуюся жизнь. В его книгах разные герои, разные имена. А судьба одна - нелегкая и непростая, но прямая и честная. Как и у самого Константина Воробьева, сумевшего сказать в литературе свое, мужественное и честное, всей жизнью выстраданное слово.

К.Д.Воробьев прожил достойную, но нелегкую жизнь, сделав многое для развития литературы. Мне бы очень хотелось, чтобы добрая слава о Константине Дмитриевиче не кончалась в грядущих веках!

Изучив творчество Константина Воробьева, я сделала выводы: познакомилась с писателем-земляком, изучила его творчество, задумалась о прозе в современном мире и о том влиянии, которое она может оказывать на формирование взглядов читателя, повысила навыки в исследовательской деятельности.

4. Список использованных источников и литературы:

1. Агеносов В.В. Русская литература XX века 11 класс 2 часть.
Москва «Дрофа» 2000г. Стр. 349-351
2. Воробьев, К. Д. Собрание сочинений : в 3 т. / Константин Дмитриевич Воробьев ;
[Составитель В. В. Воробьева ; автор вступ. ст. Е. И. Носов]. - М. : Современник,
1991-1993.

Т. 1 : Повести / К. Д. Воробьев. - М. : Современник, 1991. Стр. 477, [2] с.

Т. 2 : Повести, рассказы, из архива писателя. / К. Д. Воробьев. М. : Современник, 1991. –
Стр. 7

Т. 3 : Рассказы, из архива писателя, письма, приложение / К. Д. Воробьев. - М. :
Современник, 1993. Стр. 493

3. Воробьев К.Д. «Убиты под Москвой» Воронеж «Центрально-Черноземное
книжное издательство» 1988г. Стр. 5-10; 104-281
4. Журавлев С.И. «Память пылающих лет» «Просвещение» 1985г. Стр. 168-189
5. Материалы интернета

6. Чалмаев В.А. «Слово, не сорвись на стон..» Константин Воробьев: у истоков войны народной. Методический журнал Министерства просвещения РСФСР. Москва «Просвещение» 1984г. Стр. 62-75